

СИЛА ЛЮБВИ.

(Изъ быливъ Японской войны).

(Продолженіе ¹⁾).

IX.

ту ночь Катеньеву не спалось. Лежа съ открытыми глазами и прислушиваясь къ ровному дыханію спящей въ другомъ углу Надежды Ивановны, онъ думалъ о ней. Думалъ о томъ, какой великій подвигъ самопожертвованія свершила она, связавъ свою судьбу съ его судьбой. Какой страшной опасности подвергается она каждую минуту. Ломалъ голову, стараясь придумать какимъ бы способомъ имъ лучше всего освободиться изъ своего тяжелаго положенія. Не лучше ли будетъ послать Фу-ин-фу къ японцамъ и добровольно сдаться въ плѣнъ, не рискуя быть поймаными во время бѣгства. Тогда на нихъ милость не надѣйся. Они навѣрно сочтутъ ихъ обоихъ за шпионовъ и поступятъ какъ со шпионами. При этой мысли холодный ужасъ охватывалъ Катеньева. Нестолько за себя самаго, сколько за свою невесту. Съ нимъ онъ зналъ, разговоръ будетъ коротокъ: поставятъ къ стволу дерева и разстрѣляютъ, но какъ поступятъ съ нею, можетъ быть ее ожидаютъ такія нравственныя мученія, такой позоръ и оскорбленія, по сравненію съ которыми смерть покажется благодѣяніемъ. Чѣмъ дальше думалъ Катеньевъ, тѣмъ мысли его дѣлались безотраднѣй.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 7.

— Да, только на Бога надежда, да на судьбу, невольно произнесъ онъ вслухъ.

— Ты не спишь? услыхалъ онъ голосъ Надежды Ивановны.

— Нѣтъ, что-то не спится, все думаю о нашемъ положеніи.

— Мнѣ тоже не хочется спать. Хочешь выйдемъ, посидимъ немного на воздухѣ. Ночь, кажется, прекрасная.

Они вышли и сѣли на камень, скрытые густой тѣнью, падающей отъ другого огромнаго камня. Ночь была дѣйствительно прекрасная. Луна ярко свѣтила съ безоблачнаго неба, заливая горы фосфорическими лучами. Тишина кругомъ царила мертвая. Воздухъ былъ тепелъ и какъ бы насыщенъ ароматомъ земли. Долго сидѣли они такъ, плечо къ плечу, погруженные въ свои думы, одинокіе, оторванные отъ всего міра, заброшенные въ глухія маньчжурскія горы, одѣтые въ лохмотья китайской одежды.

Точно въ сказкѣ, размышлялъ Катеньевъ: какъ все это странно. Вотъ уже никогда не могъ вообразить себѣ, чтобы въ моей жизни могло случиться что-нибудь подобное. По сравненію съ нами, исторія Робинзона куда менѣе фантастична.

— Какъ хорошо! тихо прошептала Надежда Ивановна. какая дивная ночь!

Она сидѣла, подперевъ ладонью подбородокъ, съ мечтательно устремленнымъ передъ собою взглядомъ. Теперь, когда она смыла краску съ своего лица и по своему причесала волосы, она даже въ старой китайской курмѣ, казалась красавицей. Костюмъ не уродовалъ ее, а только придавалъ ея лицу странное, оригинальное выраженіе. Прп свѣтѣ мѣсяца оно казалось еще блѣднѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, а красивые темные глаза, казались еще больше, еще темнѣе. Они словно испускали лучи, которыми озарялось все ея задумчивое, тонко очерченное лицо.

— Хорошо-то оно хорошо, усмѣхнулся Катеньевъ, невольно любуясь изяществомъ ея лица и всей фигуры, но еще было бы лучше, если бы мы наслаждались этой ночью верстъ за сто, изъ русскаго лагеря.

— Да, конечно, но знаешь, что я думаю: испытаніе, которое намъ теперь послано судьбою, впоследствии сослужить намъ огромную службу. Послѣ того, что мы пережили и переживемъ здѣсь, намъ не будутъ страшны никакія испытанія въ жизни.

— Да уже хуже, едва ли когда будетъ. Хотя самое худшее еще впереди. Пока мы здѣсь въ этой пещерѣ, наше положеніе не такъ еще опасно. Опасности начнутся, какъ мы тронемся отсюда.

— Я, знаешь, возлагаю сильную надежду на Фу-ин-фу. Когда

я сюда шла, я убѣдилась, насколько онъ смысленъ, ловокъ и остороженъ. Сколько разъ онъ во время, прямо какимъ-то чутьемъ, угадывалъ опасность и успѣвалъ прятаться. Нѣсколько разъ японцы проходили отъ насъ всего въ какихъ-нибудь 20—30 шагахъ. Только разъ мы не успѣли во время спрятаться, это когда наткнулись на японскій развѣздъ..., я тебѣ уже объ этомъ рассказывала... и то Богъ спасъ.

— Да, дѣйствительно, это было почти чудо, что васъ не захватили.

— Вотъ видишь. Этотъ случай даетъ мнѣ надежду, что и впредь судьба будетъ къ намъ милостива. Подумай самъ. Развѣ не чудо, что ты остался живъ, не попалъ японцамъ въ плѣнъ, развѣ не чудо, что нашелся такой славный, честный старикъ, какъ нашъ Фу-ин-фу, который рѣшился, рискуя своей головой, приютить тебя? Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы дѣло, начавшееся такъ удачно для насъ, кончилось нашей гибелью. Что-то внутри меня говоритъ мнѣ, что все обойдется по хорошему, и мы еще будемъ счастливы...

— Дай Богъ, раздумчиво прошепталъ Катеньевъ, а все-таки я не могу не повторить, что ты поступила безумно, рѣшившись идти ко мнѣ, подумай только... Она не дала ему договорить и шаловливо зажала его ротъ своею ладонью. Онъ поймалъ ея маленькую, изящную ручку и крѣпко прижалъ къ своимъ губамъ. Такъ они сидѣли довольно долго, озаренные нѣжнымъ сіяніемъ мѣсяца, задумчиво смотрѣвшаго на нихъ изъ бездонной глубины безоблачнаго неба.

Вдругъ гдѣ-то совсѣмъ неподалеку отъ нихъ чуть слышно скрипнуть щепенъ. Точно звѣрь или человѣкъ, крадучись, пробирался по каменистой тропинкѣ. Катеньевъ осторожно приподнялся и выглянулъ изъ-за скрывавшаго ихъ обоихъ камня. Неожиданно для себя, всего въ 10—15 шагахъ онъ увидѣлъ плечистаго китайца, который въ свою очередь, замѣтивъ Катеньева стремительно отшатнулся назадъ. Луна свѣтила ярко. Было свѣтло и на близкомъ разстояніи хорошо видно. Съ минуту незнакомецъ и Катеньевъ разглядывали другъ друга. Катеньевъ колебался, какъ ему теперь поступить. Не благоразумнѣе ли будетъ съ его стороны пустить пулю въ лобъ неожиданному гостю. На всякій случай онъ опустилъ руку въ широкій карманъ, пальцами нащупалъ рукоятку револьвера и только ждалъ дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны пришельца, чтобы, при первомъ проявленіи съ его стороны непріязненности, жестоко съ нимъ расправиться.

— Что за чертовщина, вдругъ совершенно неожиданно на чисто русскомъ языкѣ, произнесъ пришедшій китаецъ, да никакъ это тоже нашъ! Лицо-то русское, на китаецъ и не похоже, бытто.

— А ты развѣ русскій? изумленно спросилъ Катеньевъ, выходя впередъ и приближаясь къ незнакомцу, откуда же ты взялся?

— Я—сибирскій стрѣлокъ, бѣжалъ изъ плѣна, а ты кто такой и что тутъ дѣлаешь?

Катеньевъ назвалъ себя.

— Извините, ваше б-іе, безъ всякаго, впрочемъ, смущенія извинился стрѣлокъ, добродушно усмѣхаясь: въ такомъ обмундированіи, какое на васъ, сразу не признаешь... Ишь ты, исторія какая, продолжалъ онъ, гдѣ земляковъ довелось встрѣтить... Ну коли такъ, дозвольте присѣсть, усталъ я порядкомъ, все горами шель, которую ночь иду, совсѣмъ изъ силъ выбился.

Не дожидаясь отвѣта, стрѣлокъ направился къ камнямъ, изъ-за которыхъ вышелъ къ нему Катеньевъ, и тутъ увидалъ Надежду Ивановну.

— Батюшки свѣты, да никакъ и барыня здѣсь съ нами?! воскликнулъ онъ, въ искреннемъ изумленіи, хошь и въ китайскомъ нарядѣ, а русскаго человѣка сейчасъ видать.

— Это моя невѣста, сестра милосердія, узнала, что я въ горахъ остался, пришла ко мнѣ лѣчить меня, пояснилъ Катеньевъ, ну, садись, рассказывай какъ это тебѣ отъ японцевъ бѣжать удалось... Кстати, прежде всего, какъ звать-то тебя, землякъ.

— Звать-то меня Петръ, по отчеству Петровичъ, и по фамилиі то же Петровъ. Выходить стало быть Петръ Петровичъ Петровъ. Занятно сказывать, а допрежь того, какъ мнѣ вашему благородію про мои похождения докладывать начать, не соблаговолите ли вы мнѣ чего ни на есть поисть дать. Сказать по совѣсти, вотъ уже третій день ничего не ѣлъ. По пути кое-какую травку жевалъ, водой запивалъ, а только ѣда эта самая, травка Божія, какъ быдто не того, питательности въ ней стало быть мало. Хоть и говорятъ, будто бы пустынножители, угодники Божіи, одними корешками питались и по долгу жили и Богу сподоблялись, а только это должно отъ того происходило, что святости въ нихъ было много, пищій-то и не требовалось, а мы грѣшные, ровно свиньи, безъ жратвы болѣе 7 дней, прожить не можемъ.

Стрѣлокъ говорилъ какимъ-то особеннымъ тономъ, нараспѣвъ, какъ говорятъ рассказчики, сохраняя глубокую серьезность на лицѣ, только въ углахъ губъ чуть замѣтно змѣилась усмѣшка, да зрачки глазъ насмѣшливо поблескивали. Онъ былъ не молодъ. На сильно похудѣвшемъ лицѣ съ осунувшимися щеками виднѣлось не мало морщинъ. Борода и усы, очевидно, для пуцаго сходства съ китайцемъ, были сбриты, голова гладко острижена. Въ этомъ видѣ стрѣ-

локъ смахиваль на бонзу, хотя черты лица его были чисто русскія.

Надежда Ивановна встала и через минуту принесла и подала стрѣлку нѣсколько лепешекъ и кусокъ холодной свинины. Тотъ даже слегка охнулъ отъ радости и съ жадностью схватился за ѣду. Онъ ѣлъ, быстро пережевывая большіе куски, и отъ удовольствія даже жмурился.

— Эхъ, вотъ важнецки-то! произнесъ онъ, наконецъ, проглатывая послѣднія крошки, давно не ѣдаль такъ... Спаси Господи. Теперь опосля того, кабы водки, хоша бы самую малость, совсѣмъ бы человекъ исправился!

Онъ выжидательно покосился на Катеньева и сѣвную снова рядомъ съ нимъ Надежду Ивановну.

— Водки нѣтъ, буркнулъ Катеньевъ.

— А нѣтъ—и суда нѣтъ, тряхнулъ головой стрѣлокъ. Впрочемъ, коли такъ разсудить, и безъ водки жить можно. Обходились же безъ водки отцы церкви, особливо которые изъ непьющихъ были и ничего жили, пока не помирали... А помирали, тогда стало быть жизнь кончалась и водки по этой самой причинѣ не требовалось.

— А ты, какъ я посмотрю, изъ веселыхъ, усмѣхнулся Катеньевъ, которому стрѣлокъ пришелся по душѣ.

— Это вы, ваше б-іе, правильно сказать изволили, согласился Петровъ: я точно что изъ веселыхъ. За эту самую веселость мнѣ въ полку много разъ по загревку перепало. За веселость меня и господа японцы подвѣсить собрались, да помогъ Богъ стрелача задать..., да и то сказать съ чего и веселымъ мнѣ не быть. Имущества у меня, окромѣ пустого брюха никакого, николи и не бывало, да, полагать надо такъ, никогда и не будетъ. Заботы о такомъ имуществѣ немного. Бояться, чтобы кто не укралъ, не приходится, потому что оно всегда при мнѣ и красть никто не станетъ... Развѣ что костлявая придетъ: «Подай, скажетъ, животъ свой».

— На, подавись, окаянная! Ну она точно тогда заберетъ, но и тутъ все-таки лестно, потому что въ церкви молиться стануть, за война животъ свой на брани положившаго...

— А вѣдь ты кощунствуешь?

— Я? храни Богъ, изумился или притворился изумленнымъ Петровъ, и въ мысляхъ не было, потому прежде всего, что я какъ есть православный человекъ, въ Бога вѣрую, святыхъ чту, начальства боюсь... Нѣтъ, какъ можно, шутить изволили.

— Ну ладно, а ты намъ вотъ что Расскажи, какъ ты въ плѣнъ попалъ и какъ изъ плѣна удралъ.

— Въ плѣнь то я попалъ проще простого. Много насъ теперь попадаетъ тѣмъ же манеромъ. Былъ я въ охотничьей командѣ. Послали насъ на развѣдку и поручикъ съ нами. Ну шли мы... Поручикъ нашъ, царство ему небесное, хорошій человекъ былъ, настоящей вояка. Много мы съ нимъ хорошихъ дѣловъ надѣлали. Ни одна разъ японцевъ лутили... Можетъ и теперь бы еще лутили, кабы не попуталъ грѣхъ. Приѣхалъ къ намъ изъ главнаго штаба капитанъ, говоритъ—«мнѣ велѣно развѣдку съ вами сдѣлать и планъ снять!»—Ну ладно. Развѣдку, такъ развѣдку. Пошли. Нашъ поручикъ на это дѣло мастакъ былъ, а только капитану не потрафилъ. Съ первыхъ же шаговъ зачалъ онъ намъ указывать, какъ идти, куда смотрѣть... Карту вынулъ и все по картѣ смотрѣлъ. Только карта эта была такая то будто бы странная, съ настоящимъ плантомъ не сходственна. На картѣ рѣченка такъ чуть обозначена, будто ручеекъ показывается, а въ дѣйствительности рѣка такая, что окромя какъ въ лодкѣ и не переѣдешь. Дальше, смотришь, лѣсъ показанъ, а его въ томъ мѣстѣ и не бывало, за то гдѣ равнина обозначена тамъ, глядишь, оврагъ на оврагѣ, и такъ все...

Нашъ поручикъ нѣсколько разъ совѣтовалъ капитану ту карту стрѣлкамъ на сигарки подарить, но капитанъ очень на это обижался, по той причинѣ, что карту эту самую онъ почиталъ очень хорошей, въ ней даже проставлено было, гдѣ японцы стоятъ. Говорятъ въ штабѣ про это доподлинно знали... Вотъ эта то карта и сгубила насъ. Шли этта мы по ней почитай цѣлый день и пришли къ селенію, забылъ я теперь какъ оно, проклятое, называется. Поручикъ нашъ говоритъ капитану, будто бы, по его свѣдѣніямъ, селеніе занято японцами, а капитанъ спорить, что не это, а слѣдующее, потому въ картѣ было такъ проставлено, а картѣ капитанъ вѣрилъ больше чѣмъ намъ, потому что когда двое изъ насъ подобрались къ самому селенію, вернулись и доложили, что они воочию видѣли японскихъ кавалеристовъ, капитанъ очень на нихъ разсердился, обозвалъ трусами. Вамъ, говоритъ, это со страху попритчилось. Это не кавалеристы, а коровы, такъ и въ плантѣ показано. Ну коли въ плантѣ, такъ и разговоры коротки. Але-марше. Пошли. Поручикъ нашъ предчувствовалъ, мрачный такой шелъ и все впередъ поглядывалъ. Капитанъ же, напротивъ, веселый гарцуетъ. Конь подъ нимъ добрый, аглицкой породы, хвостъ куцый и два казачка съ нимъ... Только подошли мы къ селенію, а оттуда... каакъ затрещить... Батюшки свѣты. Ровно прорвало ихъ... Шарахнулись мы назадъ, тутъ холмикъ былъ такой, чтобы залечь, думали отстрѣляться, глядимъ справа и слѣва японцы валомъ валить... Будто

изъ земли выпираетъ... Капитанъ живою рукою назадъ и казаки съ нимъ... Ускакалъ и плантъ увезъ, а мы остались. Извѣстное дѣло пѣшкомъ за коннымъ не поспѣешь. Плохо намъ тутъ пришлось... Бросились японцы на насъ въ штыки. Поручика нашего убили... Остались мы безъ начальства ровно овцы... Что тутъ было я и сказать не умѣю... Давили насъ ровно крысъ какихъ. Да и мудреного мало. Было насъ всего человѣкъ съ пятьдесятъ, а ихъ узкоглазыхъ чертей со всѣхъ сторонъ навалило до тыщи... Меня, одинъ такой то, звизданулъ прикладомъ по башкѣ, я и свѣта не взвидѣлъ, очи подъ потолокъ ушли. Ажъ обомлѣлъ весь и свѣтъ изъ глазъ выкатился, а какъ очнулся, гляжу связанъ лежу и подлѣ меня еще человѣкъ 5—6 нашихъ, тоже связанные». Что, говорю, братцы, по плану мы къ японцамъ попали, али безъ планта?

Ругаются.

Ну забрали насъ японцы и повели. Привели въ городъ Фынхуанченъ. Хорошій городъ, къ тому же знакомый. Мы тамъ 2 раза стояли, первый разъ какъ на Ялу шли, а въ другой разъ, какъ изъ подъ Тюринчена обратно шкандыбали. Въ Фынхуанченѣ на первыхъ порахъ посадили насъ въ каталажку, а продержавши тамъ дня три, вывели на дорогу и заставили дорогу строить...

— Какъ дорогу строить? Изумился Катеньевъ—какое же они имѣли право употреблять васъ на работу, вѣдь вы же плѣнные?

— Полагать надо, плѣнные. А что касательно того, быдто бы они права на то не имѣли, чтобы насъ работать заставлятъ, то и намъ такъ это казалось. Нѣкоторые изъ нашихъ, а было насъ тутъ, окромя тѣхъ, что изъ нашей команды, человѣкъ до сотни, изъ разныхъ другихъ полковъ, тоже также думали, какъ и ваше благородіе, и стали даже японцевъ усовѣщевать. Только какъ вы азіата урезоните? Одно слово азіать, по азіатски и думаетъ. Не стали они насъ и слушать, резоновъ нашихъ во вниманіе не приняли, а принялись лущить насъ палками почему попало, а кто особенно артачился накинули петлю на шею и къ дереву потащили... вѣшать стало быть... Ну тутъ мы всѣ видимъ, что хоша права и на нашей сторонѣ, но палки, и веревки, и сучки на деревьяхъ на ихъ сторонѣ. Живо смирились. Особливо тѣ, которыхъ вѣшать хотѣли. Они, какъ имъ скинули петли съ шеи, шустрѣй всѣхъ за работу принялись... Николи должно быть допрежъ того такъ не работали... Поди и не знали, что могутъ такъ работать... Хорошо работали...

— Что же именно заставляли васъ дѣлать?

— Дорогу чинить. Вы въ Фынхуанченыхъ бывали когда? Помните дорогу отъ Тюринченскихъ позицій черезъ переваль и дальше;

когда мы тамъ стояли по ней повозкой порожнякомъ трудно было ѣхать. Узкія, изрытыя колеями, съ крутыми подъемами, всюду камни валяются, а теперь посмотрѣли бы какая она стала. Одно слово—шоссе. Выгладили, выровняли, уширили и осадныя орудія возять. У насъ двуколкой проѣхать нельзя было, а они такую машинищу пруть, упряжекъ десять запрягутъ.

— Кто же имъ дороги эти строилъ?

— Китайцы. Нагнали они китайца видимо невидимо. Саперы ихніе тоже работали, впрочемъ больше на манеръ начальства, досматривали, указывали, что и какъ, палками тоже дѣйствовали они же... Китаецъ извѣстно малодушный человѣкъ, палку любить. Его если палкой хорошо огрѣть и разъ другой, онъ большое стараніе доказать можетъ... Солдатъ своихъ японцы на работы не употребляютъ, для сраженія берегутъ, говорятъ, будто, если солдата на земляныхъ работахъ надсадить—плохо штыкомъ орудовать будетъ. У насъ, вотъ наоборотъ. Наше начальство завсегда наканунѣ боя день, або два, землю копать заставляло, для моціону, штобы не зажирѣли солдаты то... не знаю, можетъ такъ оно и лучше, а только и у японцевъ недурно. Китайцы землю роютъ, а солдаты японскіе воюютъ, а когда сраженье въ нѣтъ, отдыхаютъ, силъ набираются. Плѣнныхъ нашихъ они тоже къ работѣ приспособили, полагать надо, чтобы даромъ на харчи не тратиться. Вотъ такимъ манеромъ проработалъ я у нихъ недѣли съ двѣ и сталъ подумывать, какъ бы лататы задать. Надо вамъ доложить самъ то я родомъ съ Амура и, какъ молодымъ парнемъ былъ, до службы еще значить, по китайскимъ селеніямъ въ батракахъ служилъ и черезъ то языкъ китайскій изучилъ, то истъ, во какъ. Такъ скажемъ—отъ китайца отличить невозможно. Право слово. И обычаи я китайскіе знаю всѣ доподлинно, что и какъ, все сообразить могу. Очень это мнѣ кстаті пришлось. Китайцы тѣхъ русскихъ, что по ихнему хорошо знаютъ, оченно уважаютъ, считаютъ ровно бы какъ за своихъ. Даже почи-тай больше того. Лестно ли имъ, что вотъ молъ русскій человѣкъ, а по ихнему говорить совсѣмъ какъ они, или можетъ думаютъ про такого, что молъ должно великаго ума человѣкъ, коли на двухъ языкахъ говорить выучился, Богъ ихъ тамъ вѣдаетъ, а только, повторяю, большое они къ такимъ людямъ расположеніе имѣютъ и завсегда всѣмъ, чѣмъ могутъ, помочь готовы. Зная такое ихъ пристрастіе задумалъ я при ихъ помощи отъ японца бѣжать.

С. Пютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).